

Хозяйственная «этика» как зеркало русского православия: социология религии через призму социологии права

ЗАБАЕВ И. В. (2012). ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЭТИКИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ. М.: ПСТГУ. 168 с. ISBN 9785742907510

*Кирилл Титаев**

Рецензия сфокусирована на трех ключевых проблемах исследования Ивана Забаева, имеющих, как кажется, общесоциологическое значение. Заметим, что автор рецензии не является социологом религии и не имеет никакого отношения к исследованиям религиозности¹. Поэтому внимание будет сосредоточено на тех вопросах, которые имеют смысл в отрыве от того увлекательно описанного эмпирического материала, на основе которого построена книга.

В книге «Основные категории хозяйственной этики русского православия» автор пытается решить достаточно амбициозную задачу — пройти веберовским аналитическим путем, но с опорой на эмпирический материал современного православия. Основываясь на данных участвующего наблюдения (Иван Забаев работал трудником в восьми монастырях), свыше 40 интервью и анализе православной литературы он пытается понять, какими принципами на практике руководствуется православный актор в своей хозяйственной деятельности.

Представленный в книге анализ включает несколько последовательных шагов, меняющих взгляд читателя на православие в целом и его хозяйственную этику в частности. Сначала, инвертируя веберовский подход, автор ищет хозяйственную этику в повседневной деятельности православных (в первую очередь монашествующих и живущих при монастырях), после чего уже анализирует доктрину, изложенную в книгах. Проведенное сравнение хозяйственной этики католической и православной церковью представляет отдельный интерес и читается как приключенческий роман.

Анализируя собственно хозяйственную этику, Иван Забаев выделяет четыре плотно связанных категории. Первая — «Божья воля», которая в православии, с точки зрения исследователя, является граничным условием любого действия и

* Титаев Кирилл Дмитриевич — MA in Sociology, ведущий научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Адрес: ул. Гагаринская, д. 3, Санкт-Петербург, Российская Федерация 191187. Email: ktitaev@eu.spb.ru

© Титаев К. Д., 2013 © Центр фундаментальной социологии, 2013

1. Рецензию, содержащую в числе прочего и религиозоведческий анализ, можно прочитать в журнале «Социология власти» (2012. № 8).

особенно действия успешного. Православный хозяйственный актер полагает, что все достигнутое было достигнуто потому, что «на это была Божья воля». Это же удерживает его от разочарований — все, что не удалось, не удалось лишь потому, что на это не было Божьей воли.

Второй важнейшей категорией является «послушание», которое выступает одновременно и как некоторый способ действия — действие в рамках Божьей воли и во ее исполнение, и как определенный формат коммуникации — послушание это еще и все действия, совершаемые монашествующим или насельником монастыря (реже мирянином) по прямому или косвенному поручению человека, стоящего выше в монастырской табели о рангах (в священнической или хозяйственной иерархии).

Третья категория, которая определяет формат действия и отношение к этому действию, — это смирение. Смирение надлежит проявлять как по отношению к работе (не оценивать ее как приятную/неприятную, продуктивную/непродуктивную и т. д.), так и к результатам труда, которые надлежит принимать такими, какие они есть.

Четвертая, ключевая категория — благословение (как правило, священническое). В идеале предполагается, что никакое действие не может быть совершено без благословения священника, т. е. по поводу всякого хозяйственного действия (вплоть до чистки овощей) должно обратиться к священнику с просьбой о благословении. После благословения действие по большому счету становится послушанием — то есть выполняемым не по своей воле, а во исполнение воли Божьей.

Все эти категории, как блестяще показано в книге, плотно связаны между собой и одновременно переплетены с молитвенными техниками. «Задача „труда“ — обеспечить возможность „молитвы“. Одна из задач „молитвы“ — обеспечить возможность „труда“» (с. 65). Этот факт усиливает основной аргумент автора, показывая, что хозяйственная деятельность воспринимается и оценивается через религиозную, что позволяет говорить о религиозной этике, действительно лежащей в основе хозяйственной деятельности.

В заключении Иван Забаев останавливается на двух важных вопросах. Во-первых, он пытается представить православную и протестантскую общины как социальную сеть, в которую вписан Бог (очень напоминающую разрабатываемую в рамках концепции религиозных рынков²). И оказывается, что если в протестантизме контакт с Богом в рамках этой сети более или менее прямой у каждого верующего, то в православии этот контакт опосредован священником, причем не только догматически, но и в повседневной жизни, что и делает роль церкви столь значительной.

Второй момент, который освещается в заключении, — это относительная роль хозяйства у веберовского протестанта и российского православного (в трактовке И. Забаева). Для протестанта хозяйственная деятельность и есть путь к спасению,

2. См., например: Salvation goods and religious markets: theory and applications. (2008) / Ed. J. Stolz. Bern: Peter Lang.

в то время как для православного хозяйство оказывается побочной для спасения (как конечной цели) активностью, которая при этом также предполагает большую роль священства (через благословение).

Последняя часть книги, слегка разрушающая жесткую логику диссертационного исследования (на основании которого была написана книга), представляет собой рассказ о неverified гипотезе (как это называет автор), согласно которой советская хозяйственная модель наследует модели православной. На этой гипотезе мы остановимся чуть ниже.

Хозяйственная этика, хозяйственная идеология и проблема следования правилу

Первая важная теоретическая проблема, которую решает автор, связана с определением понятия «этика» и поиском эмпирического пути ее изучения. Для начала проводится отграничение этики от других веберовских категорий: «... „этика“ и „нравственность“ [у Вебера] скорее означают нечто одинаковое. В этом фрагменте текста этика отличается Вебером от „догмата“ и „практики“...» (с. 25). То есть этика оказывается некоторым транзитивным элементом, операционализирующим догматы для религиозного актора.

Далее становится очевидным, для преодоления какого риска необходимо введение этой категории. «Невозможно заранее предположить, какие фрагменты догматики будут актуализированы в практике. Как следствие, существует большой риск или 1) взять „не те“ фрагменты догмата и в результате обнаружить их отсутствие в практике, или 2) произвести ряд аналитических подмен, волюнтаристски сопоставляя и сводя друг к другу догмат и практику. Поэтому в ходе своего исследования мы шли в обратном направлении — от практики к этике и догматическим идеям» (с. 27).

Правда затем, уже после введения этики как некоторого элемента своего теоретического построения, автор зачем-то разделяет ее на декларируемую и реально актуализированную — «...желательно проведение отдельного анализа „декларированной“ и „реально актуализированной“ хозяйственной этики» (с. 27). Хотя, казалось бы, этика — это и есть реально актуализированные догматы. Вероятно, это различие потребовалось, чтобы разделить хозяйственную этику как некоторый набор применяемых правил и хозяйственную этику как некоторый набор деклараций, несводимых при этом к догматике (дискурсу о хозяйственной этике). Далее автор как будто забывает о декларируемой хозяйственной этике и говорит преимущественно о «реально актуализированной».

Поставленная здесь исследовательская задача напрямую отсылает нас к проблеме следования правилу³ — основной проблеме социологии права. Выясняется,

3. Подробно о витгенштейнианской и поствитгенштейнианской трактовке этой проблемы см.: Волков В. (1998). «Следование правилу» как социологическая проблема // Социологический журнал. № 3-4. С. 157-170.

что религиозный догмат как комплекс предписаний работает довольно странным образом. Далеко не все догматы имплицитно в практике и играют какую-то роль в жизни акторов. Кроме того, «ни одно правило не содержит в себе способ его применения»⁴. То есть знать «что» и знать «как» — это две принципиально разные вещи. Традиционно эта проблема решается через описание практик применения правил.

Автор книги решает этот вопрос (в данном случае это скорее его, нежели веберовское решение) достаточно оригинально. Он вводит дополнительный уровень реальности между правилом и техникой его соблюдения — некоторый корпус ключевых категорий, через призму которых осмысливается следование правилу и к которым оно может быть сведено. На представленном материале видно, что этот инструмент срабатывает очень хорошо, позволяя разнести правила/догматы и собственно повседневные действия, которые правилу подчиняются, но не всегда являются «действием по соблюдению правила» — то есть соблюдение правила не является главной целью этого действия.

Возможно, имеет смысл заимствовать эту метафору для других отраслей социологии, сталкивающихся с проблемой следования правилу. Так, условно говоря, может получиться, что полицейский, совершая некоторое действие в рамках правила (например, производя арест), опирается не на само правило — Уголовно-процессуальный кодекс (что очевидно), однако не находится и в пространстве чистых повседневных (то есть нерефлексируемых) практик — над ним довлеет то, что можно назвать профессионально-юридической этикой, которая описывает пределы возможного и нормативного в его деятельности (с опорой на канон/кодекс, но не всегда в его рамках).

Здесь есть одно препятствие для целостного описания именно хозяйственной этики: легко перепутать собственно хозяйственную этику и дискурс о ней. «Внешне видимые обоснования хозяйства носят уже больше идеологический характер, а не используются населением для решения каждодневных вопросов» (с. 39). Автору удается преодолеть этот разрыв за счет того, что в его работе (так, во всяком случае, кажется читателю) гораздо большую роль сыграли наблюдения, чем интервью. Тем же, кто попытается идти в этом направлении, предстоит изобретать свои способы обхода этой ловушки.

Проблема экстраполяции: православное vs. монастырское

Важнейшая проблема, на которую уже обращали внимание другие рецензенты⁵, — это вопрос о том, какую, собственно, хозяйственную этику описывает Иван Забаев в своей книге — православную или монастырскую. Сам автор понимает эту проблему и подчеркивает, что его исследование было сосредоточено на монастырях и все, что он говорит, касается монастырей (с. 94, 96). Однако остается

4. Там же.

5. Титков. Указ. соч.

вопрос, который автор не упоминает. Описываемая этическая система является производной от православия или от монастырского образа жизни? Не является ли православная риторика лишь техникой легитимации монастырского режима жизни? Не будут ли католические монахи опираться на ту же этическую систему, легитимируя ее несколько иной риторикой? Автор утверждает, что «самостоятельного значения с точки зрения спасения хозяйство не имеет» (с. 67). Соответственно, если жизнь посвящена только поиску пути к спасению (монастырская логика), то можно ли экстраполировать эту хозяйственную этику на повседневную православную жизнь, в которой спасение является также основной, но куда менее актуализированной целью?

Еще одна проблема связана с тем фактом, что хозяйствование в монастыре ограничено по большому счету физическим трудом: «...лучшим референтом хозяйства как действия окажется труд» (с. 53) — пишет автор. Будут ли применимы описанные им категории к более сложным хозяйственным моделям и более сложным хозяйственным отношениям?

Вопросы вызывает попытка автора совместить полностью индуктивную по логике «обоснованную теорию» в изводе Барни Глейзера, Ансельма Страусса и Джульетт Корбин с жесткой веберовской аналитической матрицей, однако этот вопрос уже подробно разобран Алексеем Титковым в его рецензии.

Советское, православное, ценностное

Эксперимент по выстраиванию параллели между православной и советской хозяйственной этикой, который Забаев предпринимает в конце книги, заслуживает отдельного обсуждения. С одной стороны, чувствуется, что автор не слишком глубоко вникал в дискуссию о проблемах социалистической экономики, и особенно в ее социологическую часть. Так, например, серьезное комментирование построений «историка» А. Дугина по поводу масштабов сталинских репрессий (с. 116) вызывает некоторое недоумение, но сама постановка проблемы представляется крайне интересной.

Главный аргумент, который присутствует на страницах авторского постскрипума, состоит в демонстрации сходств между паттернами поведения и объяснительными моделями, использующимися в православной и в советской риторике. Основное внимание уделяется таким особенностям, как иерархичность организации, иррациональное действие, ориентированное на высокие цели, патернализм — склонность вручать свою судьбу неким высшим силам (государству, церкви и т. д.) (с. 119). Однако не происходит ли тут подмена? Не приписывается ли определенному типу социального действия (в веберовском понимании) православная природа? То есть всякое ценностное действие становится не просто религиозным, а православным. В такой логике создатели, например, германской национал-социалистической рабочей партии должны стать главными носителями православной трудовой этики. Дело в том, что в ситуации ценностно-ориентированного хозяй-

ственного действия некоторый патернализм и делегирование принятия решений становятся практически неизбежным эффектом масштаба. Невозможно коллективное ценностное социальное действие в экономической сфере, не предполагающее делегирования значительной части полномочий по принятию решений. Кто же оказывается объектом этого делегирования, определяется ситуативным контекстом.

Однако наряду с самой гипотезой (довольно спорной) присутствует и очень интересное объяснение, связывающее это ценностное действие с православными корнями. Иван Забаев предполагает, что именно духовенство (дети священников, не нашедшие места в священстве) составляло идеологический костяк чиновничества в Российской империи. Затем же, как полагает автор, именно они после революции в качестве буржуазных специалистов заложили этические основы нового советского управленческого класса. С этим аргументом уже хочется поспорить содержательно. В ситуации взрывообразного роста численности управленческого персонала, смены моделей управления, массовых чисток конца 1920-х — второй половины 1930-х и границы 1940–1950-х годов смотреть на советское чиновничество/управленческий аппарат как на нормальный социальный класс, в котором наследуется управленческая культура, передаются организационные традиции, — по меньшей мере, наивно.

Заключение

Завершая рецензию, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что, несмотря на полемический характер многих положений, книга представляет огромный интерес и читается с большим удовольствием даже человеком, очень далеким от основной темы работы. Для убежденного атеиста (каковым является автор рецензии) книга на первый взгляд, кажется, еще и открывает двери в очень непривычный мир православных практик. Так, например, говоря о послушании, автор цитирует «известного священника»: «...лучше и качественнее выполняется не та работа, которая нравится, а та, которая выполняется за послушание, не по своей воле» (с. 79); или приводит «распространенное в православной среде: «Если сказали тебе сажать корнями вверх, так и сажай. За послушание вырастет» (с. 85). Все это и многое другое создает представление о православной монастырской среде как странном и не очень понятном мире, населенном не самыми привычными людьми.

Однако попытавшись разобраться в тех причинах, которые вызывают такое ощущение от текста, понимаешь, что на самом деле это эффект очень качественно выполненной полевой работы. Практически любой чужой/другой мир, описанный грамотным антропологом, должен по природе своей, в силу изначальной чуждости/инаковости вызывать похожее ощущение. Если мы попробуем также отстраниться и описать существующую структуру профессиональной деятельности в каком-нибудь крупном университете или в кибуце, с нашими потенциальными читателями, при качественном выполнении этой работы, может случиться при-

мерно то же самое — они увидят не очень приятных, даже временами жутковатых людей, делающих странные вещи внутри довольно абсурдного и некомфортного мира.

Однако на следующем шаге мы понимаем, что описанный мир обладает своей внутренней логикой, к которой мы (читатели) подходим с мерками своего мира. И мир описанный является ничуть не менее логичным, связным и нормальным, чем тот, в котором живет читатель, далекий от церковных реалий.

Книгу Ивана Забаева наряду с теми, кто интересуется проблемами православия, трактовками теоретического наследия М. Вебера и внеэкономическими основаниями хозяйственной деятельности, хотелось бы порекомендовать и некоторым другим группам читателей. Во-первых, это одно из лучших качественных (в смысле методологии) исследований, опубликованных за последнее десятилетие по-русски. Автор не пытается выдать за участвующее наблюдение несколько попок с представителями той или иной субкультуры, а опирается на широкую этнографическую базу, которая полно представлена в книге. Во-вторых, этот текст очень полезен для понимания монастырской культуры как культуры замкнутой, но при этом, в отличие от большинства социальных феноменов в России, не имеющей большой географической вариации. В-третьих, книгу можно рекомендовать как некоторый вводный справочник — «русское православие как оно есть».

Work Ethic as a Mirror for the Russian Orthodox Church: Sociology of Religion in Terms of Sociology of Law

Kirill Titaev

Senior Research Fellow, European University at St. Petersburg (EUSP)

3 Gagarinskaya Str., Saint-Petersburg, Russian Federation 191187

E-mail: ktitaev@eu.spb.ru

Review of *Osnovnye kategorii khozyaistvennoi etiki sovremennogo russkogo pravoslavia: sociologicheskyy analiz* [Main Categories of the Work Ethic of Contemporary Russian Orthodox Church: A Sociological Analysis] by Ivan Zabaev (Moscow: PSTGU, 2012).